

ИСТОРИК И РЕВОЛЮЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ ИСТОРИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА КАК ПАРАДИГМА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Жэнь-Хэнь Чэнь*

Государственный университет Чао-Тунь, Синьчжу, Тайвань

Цитирование: Чэнь Ж.-Х. (2017) Историк и революция: идеология историка С. Ф. Платонова как парадигма русской интеллигенции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 89–107. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.5>

Аннотация. Статья посвящается русским историкам начала XX в., рассматриваются их идеи, связанные с революциями, и то как они, непосредственно или косвенно, участвовали в революционной деятельности. В России, особенно с XIX в., многие представители элиты активно участвовали в социально-политических реформах. Представители русской интеллигенции — мыслители, философы, публицисты — свои дискуссии всегда строили на базе исторических взглядов. К сожалению, мало кого из них можно считать профессиональными историками, которые бы изучали, преподавали историю и имели богатые исторические взгляды. В данной статье рассматривается роль историков во время революций (до и после 1917 г.) и конкретно политическая идеология С.Ф. Платонова.

По сравнению с историками московской школы, которые четко выражали свою политическую позицию, петербургский историк Платонов гораздо более консервативен. Многие исследователи в прошлом считали, что академическое развитие и политическая позиция московских и петербургских школ сильно зависели от городской среды. Посредством анализа научных трудов, личных писем и показаний, данных Платоновым во время «чистки», автор данной статьи попытался выяснить возможные способы, которыми Платонов мог выразить свою политическую позицию. Было обнаружено, что, несмотря на то, что дореволюционная городская среда оказала большое влияние на развитие политической идеологии, недооценивается важность академической среды: межличностные отношения во время совместной работы часто имели воздействие на человеческую психологию и поведение. Уже в ранних работах можно увидеть интерес Платонова к политической тематике, Февральская и Октябрьская революция вызвали политическую критику, основанную на исторической концепции.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, русская интеллигенция, революции 1917 г., русские историки, петербургская историческая школа

Введение

В России, особенно с XIX в., общественные элиты активно участвовали в социально-политических реформах. Мыслители, философы, публицисты и другие представители русской интеллигенции привлекали к себе внима-

* E-mail: chenluda@mail.nctu.edu.tw

ние как российских, так и зарубежных исследователей*. Свои дискуссии представители этих групп всегда строили на базе исторических взглядов. К сожалению, мало кого из представителей интеллигенции можно было бы причислить к профессиональным историкам, которые бы специально изучали, преподавали историю и имели широкий исторический кругозор. Поэтому у некоторых позднейших исследователей сложилось мнение, что «историописание превратилось в отражение идеалов относительно изолированной элитной группы, чтобы служить хорошо интегрированным источником легитимности для императорского правительства в XVIII в.; и, как следствие, к XX в. историография в России политически стала отчужденной от интеллигенции» (Sanders 1999: 7). Но действительно ли это было так? В данной статье рассматривается, как русские историки проявляли себя во время глубоких политических изменений, происходивших в стране, и как их научные взгляды соотносились с их общественно-политическими позициями. В центре статьи стоит фигура С. Ф. Платонова (1860–1933), который стал одним из немногих известных историков, переживших Февральскую и Октябрьскую революции, гражданскую войну и коренные культурные преобразования, происходившие в СССР. Попытаемся проанализировать социально-политическую идеологию, лежавшую в основе взглядов историка.

В последние годы исследователи все чаще стали обращаться к идейному наследию дореволюционных историков, причиной чему можно считать изменения общественной среды в самой России. После распада СССР были возвращены из забвения многие несправедливо забытые имена, особенно это относится к историкам московской и петербургской школ (Шаханов 2003; Ростовцев 2004: 303–341; Тихонов 2012: 344–378). Петербургские ученые обычно считались лояльными и консервативными. Вскоре после Октябрьской революции, в 1918 г., московский историк Ю.В. Готье замечал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями связано с их психологией**. Современные исследователи также нередко счита-

* Уже в конце существования императорской России исследователи отмечали, что «интеллигенция» как особый класс возникла в России в XIX в. Наиболее известные российские публикации, в которых рассматривается этот вопрос: (Милюков 1902; Вехи 1909). Среди иностранных публикаций можно привести в качестве примера: (Pipes 1960; Berlin 1984; Жжань 2008; Ли 2009).

** По словам Ю.В. Готье: «При обострении жизни как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспособляются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы — трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы» (Тихонов 2012: 28).

ют, что «революции 1917 г. и эпоху военного коммунизма петербургская академическая наука пережила с гораздо меньшими потерями, чем московская», и это следует объяснять именно «невмешательством столичных историков в активную политическую борьбу» (Шаханов 2003: 356).

Действительно ли у петербургских историков не было политической идеологии? Думается, об этом можно судить, лишь исходя из строго установленных фактов. Если рассматривать только дореволюционную жизнь С.Ф. Платонова, то, действительно, можно сказать, что он сотрудничал с властью. Однако если мы бросим взгляд дальше, на послереволюционное время, то можем прийти к новым выводам. В течение всей своей жизни С.Ф. Платонов очень редко высказывался на политические темы, и после революции, в отличие от многих представителей русской интеллигенции, он не стал эмигрантом. Тем не менее, в конце своей жизни ученый, как и многие его коллеги-историки, подвергся суровым репрессиям со стороны большевистского правительства и умер в ссылке*. Поэтому представляется, что было бы несправедливо оценивать его как человека без твердых социально-политических убеждений, старавшегося приспособиться к любой власти.

Современные исследователи идейного наследия С.Ф. Платонова фокусируют свое внимание, прежде всего, на его вкладе в русскую историческую науку и археографию (Мамонтова 2002; Митрофанов 2011). Тем не менее, политические взгляды историка тоже не остались в стороне. Так, в монографии В.В. Тихонова «Историки, идеология, власть в России XX века» на основе глубокого анализа обширного фактического материала было продемонстрировано влияние, оказываемое государственной властью на русских историков, и раскрыты сложные взаимоотношения, существовавшие между ними. В этом контексте рассматривается исследователем и деятельность С.Ф. Платонова. Спецификой историко-филологических факультетов Петербургского и Московского университетов было то, что их деканы по роду своего образования и занятий, как правило, представляли филологическую науку. Все дело было «в большем доверии Министерства народного просвещения к филологам как к представителям аполитичной науки». Однако в 1900–1905 гг. деканом историко-филологического факультета Петербургского университета был не филолог, а историк С.Ф. Платонов, «известный своими консервативными взглядами и связями с царской семьей» (Тихонов 2014: 28). Обычно с этой точки зрения оценивают политическую позицию Платонова в целом.

* Здесь мы имеем в виду Академическое дело (1929–1931), которое иногда называют Делом Платонова, поскольку главным подследственным был С.Ф. Платонов. См.: (Алфёров и др. 1993).

Некоторые ученые, рассматривая деятельность историка в рамках петербургской школы, сравнивают его с главным представителем этой школы А.С. Лаппо-Данилевским (1863–1919), который исповедовал либеральные взгляды. При этом Платонов нередко оценивается как его политический антипод (Ростовцев 1999: 128–156; Бычков, Корзун 2001). Кроме того, некоторые исследователи, желая выявить специфику петербургской школы, противопоставляют ее московской школе, представители которой отличались своей политической активностью. Петербургские историки в общем сторонились политического поприща, относясь к нему скептически-холодно и настороженно. Вследствие всего этого социально-политическая позиция С.Ф. Платонова оказалась обделена вниманием исследователей (Шаханов 2003: 271–289; Hamburg 2011: 223–248; Тихонов 2012: 344–378).

Крупным специалистом, который в течение многих лет исследовал творчество и жизненный путь С.Ф. Платонова, следует считать В.С. Брачева. Изучая поэтапную эволюцию научных взглядов историка в тесной связи с его общественным положением, исследователь наблюдает и изменения в его политической позиции. С.Ф. Платонов еще со студенческих времен считал, что «университет — для науки», и потому отрицательно относился к студенческим забастовкам и другим формам борьбы с царским правительством. По этой же причине во время революции 1905 г. он прямо заявлял о своем «аполитизме» университетским коллегам и студентам. Только после Февральской революции историк сильно изменил свою позицию и стал обращать больше внимания на реформы Временного правительства. После Октябрьской революции он уже открыто критиковал происходящие перемены, считая, что они несут «крушение России с ее культурой и вообще великорусской национальности» (Брачев 2010: 36, 234–237, 278–279). Таким образом, исследователь В.С. Брачев выявил важные изменения в политической позиции С.Ф. Платонова, но, к сожалению, пока не определены причины, по которым историк исповедовал «аполитизм» на более раннем этапе своей жизни.

Методология исследования

При изучении деятельности русской интеллигенции внимание исследователей обычно было занято «выработкой общественно-политических программ и концепций, размышлениями о тактике революционной борьбы, участием в литературной борьбе, художественным и критическим творчеством» (Лотман 1997: 331). Деятельность интеллигенции действительно включала в себя все перечисленные формы, но далеко ими не исчерпывалась. За последнее столетие в гуманитарных науках появилось много новых разделов и направлений. По мере того, как дисциплины становились все более специализированными и узкими, ученые стали сознавать важность

междисциплинарного обмена и синтеза научного знания^{*}. Поэтому при рассмотрении поставленной проблемы мы попытаемся применить исследовательские методы других дисциплин.

Во-первых, следует дать краткое пояснение по поводу термина «парадигма», присутствующего в названии этой статьи. Как известно, понятие «парадигма», которое впервые было введено Т. Куном, означает модель научного мышления. По мнению Куна, в основе той или иной парадигмы обязательно лежит мировоззрение, восходящее к эпистемологии какой-либо философской системы (см.: Кун 1977, Глава 10): в своей работе Т. Кун указывает, что научная революция и есть изменение мировоззрения. Если следовать этой логике, нам нужно найти эпистемологический источник в идеях С.Ф. Платонова, это поможет нам лучше понять идейную мотивацию, проходящую через всю его научную и общественную деятельность.

Во-вторых, следует объяснить, какую методiku мы будем использовать для анализа трудов историка. Известный литературовед Эдвард Саид в своей работе «Репрезентация интеллигенции» объясняет, что дискурс интеллигенции представляет не столько индивидуальность, сколько общество, и в нем проявляется «сложный сплав собственного и публичного миров», поэтому репрезентация интеллигенции содержит в себе многие значения. Похожая мысль встречается и в работе Ю.М. Лотмана, крупного ученого, занимавшегося литературно-исторической семиотикой. Анализируя мировоззрение и психологический облик первого поколения русской интеллигенции через оставленные ею тексты, Лотман показывает, как социальная психология влияла на ее повседневное поведение. В этом случае анализ текста принес очень богатые результаты и позволил заново открыть облик русской интеллигенции.^{**} Однако в рамках данной статьи нас интересует скорее поведение интеллигенции в научном и общественном планах, нежели «по-

* Например, Чарльз Сноу говорил о возникновении научного кризиса в результате разрыва между технической и гуманитарной сферами знаний. Его известная публикация на эту тему называется «Две культуры и научная революция» (впервые 1959 г.).

** В семиологии важно выявлять и исследовать коммуникативные знаки (словесные и иные), имеющие многие уровни смыслов. Также и в лингвистике принято считать, что языковой знак содержит в себе означающее и означаемое, из которых складываются сложные понятийные системы. По мнению Лотмана, статус дворянства давал общественным элитам возможность осваивать либеральные идеи. Но они собирались в группы для интеллектуального общения не только под влиянием либеральных веяний, но и по причине «дендизма», воспринятого ими с Запада. Именно эта двуликость, по словам ученого, сделалась характерной чертой «странного симбиоза дендизма и петербургской бюрократии» (См. Лотман 1997: 123–135, 335, 383).

вседневное поведение», о котором говорит Лотман. Попытаемся понять, не ограничивала ли общественная среда политическую деятельность историка?

До сих пор исследователи наследия Платонова сосредоточивались на его исторической концепции. И хотя после открытия материалов «Академического дела» стало известно, что историк подвергся политическим репрессиям, его общественно-политическим взглядам все равно уделяли мало внимания. Поставим перед собой задачу рассмотреть идеологию, лежащую в основе деятельности Платонова. Возможно, при этом нам откроется и более широкий взгляд на жизнь интеллигенции конца XIX — начала XX вв.

Историк между наукой и политикой

Многие современные науки выделились из философии в XVIII в. и стали независимыми дисциплинами в XIX в. — такие как физика, математика, а также история. Однако в конце XIX в. Платонов все-таки считал, что в России историческая наука находится под большим влиянием философии. В своих «Лекциях по русской истории» он пишет: «В 30-х годах XIX столетия в русском обществе сложилось цельное историческое мировоззрение, но развилось оно не на научной, а на метафизической почве» (Платонов 1899: 11). Его забота заключалась в том, чтобы история как наука не лишилась своей сущности. По его мнению, в широких философских концепциях (в частности, в идее «абсолютного духа» Гегеля) исторические факты могут чрезмерно упрощаться. Кроме того, как видит Платонов, в процессе стремления людей к духовному развитию возникает иерархическая градация народов. С.Ф. Платонов желал, чтобы историческая наука окончательно отделилась от философии и, обретя самостоятельность, перестала быть «прислужницей философии» (Платонов 1899: 3, 11–13). Несомненно, что именно для того, чтобы избежать ухода в отвлеченные метафизические рассуждения, Платонов делал особый акцент на исторических фактах. В силу этой специфики, присущей научным построениям Платонова, его принято считать историком «эмпирического направления» в петербургской школе (Ростовцев 2004: 36). И хотя он был против рабской зависимости истории от философии, это не значит, что он категорично отказывался от философского осмысления исторических процессов. Он принимал гегелевские понятия «национального самосознания» и «национального самопознания» (Платонов 1899: 4; 1993: 257), но конечную цель деятельности историка он видел не в раскрытии «абсолютного духа». Долг национальной историографии он видел в том, чтобы «показать обществу его прошлое в истинном свете» (Платонов 1899: 5), чтобы тем самым была достигнута «гармония национальных и общечеловеческих элементов мирозерцания» (Платонов 2003: 153).

В конце XIX в. быстро развивалась и социология, которая была построена на теоретической базе позитивизма. Платонов также отвергает и эту новую дисциплину, созданную на основе новой позитивистской эпистемологии, поскольку считает, что в социологии присутствует тот же самый недостаток, что и в философии: исторические факты служат лишь материалом для выведения общих законов человеческого развития. В социологии отсутствуют важные «условия именно времени и места», необходимые для существования истории как науки (Платонов 1899: 3). Однако, как считает историк Г.В. Вернадский, несмотря на то, что Платонов не принимал социологию, в его работах использованы теория закона развития и методика анализа последовательности событий, поэтому его труд «нужно признать социологическим» (Вернадский 2000: 245). В историографической литературе можно видеть, что Платонов отрицает теории германского идеализма и позитивизма, но в то же время он не может и полностью освободиться от них. На самом деле, он не был против использования обобщающих научных теорий для лучшего постижения исторического материала. Так, в беседе с учеником Пресняковым он напоминает, что «при невозможности привлечь слушателей методикою, лучше дать им теорию исторического знания» (Платонов 2003: 86). Платонов отвергает главные современные ему эпистемологические теории (идеализм и позитивизм), поскольку он вообще никогда не брал за основу своих научных построений какую-нибудь определенную теорию. Как указывает один из его друзей, П.Б. Струве, у Платонова было свойство, которым определилось его особое значение как историка: «Этим свойством была духовная свобода и душевная несвязанность» (Струве 1933). Кроме того, уже в первых строчках его «Лекций» подчеркивается: «В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа. ... Факт колонизации — один из самых важных фактов нашей истории, много объясняющий историка в сфере народного хозяйства и в сфере народного права» (Платонов 1899: 44). По его мнению, природный детерминизм старого поколения историков, в частности, С.М. Соловьева, не соответствует требованиям современности; на новом этапе развития исторической науки колонизационные процессы, происходившие на территории России, нужно рассматривать через призму экономических проблем. В этом видно, что историческая идея у Платонова отличалась динамизмом и изменялась вместе с эпохой. Именно сообразуясь с «условиями времени и места», он решает вопрос об актуальности той или иной проблематики, желая, чтобы она соответствовала каждому моменту современности.

Свидетельства наличия политической идеологии можно найти еще в ранних исторических исследованиях С.Ф. Платонова. В его первой опубликованной статье «Заметки по истории московских земских соборов» (1883 г.) обсуждалось социальное движение и его важность в первой поло-

вине XVII в. Уже в этой работе обозначились направление будущего исследования и идеологическая позиция историка. Легко заметить, что тема связана с «вопросами о социальных корнях политического изменения» (Hamburg 2011: 244), что в этой работе высоко оценивается роль «средних классов» и торжество «общественной середины» (Брачев 2010: 210–211, 238). Историк обращает внимание на силу общества и выражает уверенность, что российская держава создавалась в тесном сотрудничестве государственной власти и общества и что вся история российской государственности — плод их совместных усилий. Кроме того, следует отметить, что его идея о важной роли, которую средние слои общества играли в российской истории, тесно перекликается с идейными представлениями, бытовавшими среди либеральных историков московской школы.* Сам историк наверняка знал, что эта идея принадлежит либеральной историографии. Только через много лет, в «Автобиографической записке»** он признался, что его работа имела и политический подтекст, политическую направленность. Говоря о своих «Заметках», С.Ф. Платонов указывает, что цель работы состояла в том, чтобы «узнать, какой сословный слой был там господствующим», ибо это «позволило бы мне указать настоящих возбудителей и вожаков движения, понять движение в самых его корнях». И «тогда стало бы ясно, кто именно создал власть в потрясенном государстве и вышел победителем из многолетних смут» (Платонов 1993: 264). После подобных пояснений самого автора становится понятно, что изучение национальной истории должно вестись не просто для открытия новых фактов, но в самих фактах необходимо искать истинное подтверждение того, что основа государства заключена в обществе, а не в государе-самодержце.

Несмотря на то, что труды Платонова содержали в себе либеральные идеи, он долгое время вел себя как оппонент либеральной группы историков, придерживаясь консервативной позиции «аполитизма». Представляется бесспорным фактом, что поведение человека в немалой степени сковано общественными рамками. Поэтому, рассматривая причины «аполитизма» Платонова, логично будет начать с общественных предпосылок. При этом важным источником информации для нас послужат некоторые частные письма историка.

В российском обществе XIX в., после реформ Александра II, происходили многие важные изменения, при этом жизненная среда общественной элиты тоже заметно менялась. Исследователь С.Н. Валк тесно связывал по-

* Платонов испытывал сильное влияние московской исторической школы, которая была известна либеральными взглядами, поэтому В. Брачев называет его «пасынком либеральной историографии» (Брачев 2010: 203–246).

** Далее *Автобиография*.

явление и развитие петербургской исторической школы с определенными общественно-политическими условиями столицы империи. По его мнению, со времен декабристов Петербург был основным центром, где возникло и развивалось русское революционное движение. Кроме того, другие города не ощущали столь сильного давления правительственной бюрократической машины, какое было в Петербурге (Валк 2000: 15).^{*} Под влиянием петербургской бюрократии сложилась особая социально-психологическая среда, описанная Лотманом, которая просуществовала вплоть до позднего периода Российской империи. Интеллигенция второй половины XIX в. уже отличается от более старшего поколения. Новая интеллигенция, обладая научной специальностью, имела в обществе особый статус, даже без дворянских привилегий. Представители интеллигенции теперь работают в научных институтах и иногда даже входят в правительственные учреждения, становятся частью власти. Если проводить сравнение между ними, то можно заметить, что произошла «смена лишнего человека практичным человеком акта» (Tolz 1997: 5).

Интересно, что самый успешный период в карьере Платонова совпал с очень тревожным периодом истории столичного Петербурга. С 1890 г. его карьера стремительно шла вверх, и к началу 1900 г. он занимал все крупные административные посты в петербургской науке.^{**} Однако высокое положение одновременно создает и сильное внутреннее напряжение. «В жизни, — пишет Платонов, — административные функции возобладали над учебными», и «это очень утомляет и разбивает настроение» (Платонов 2003: 88). Помимо научной загруженности одолевали и административные проблемы. В первую очередь, это было связано с назначением на должности. Как известно, в государственных учреждениях, в том числе и в научных институтах, существует довольно сложная бюрократическая система и своя иерархическая лестница. Деятельность ученого в рамках этих строгих формальностей может быть дополнительно осложнена непростыми взаимоотношениями с коллегами. Например, однажды Платонов писал другу о том, что вынужден давать назначения на должности по требованию своих старших коллег: «По предназначениям этих старичков и по моим решениям

* С XIX в. проводилось множество сравнений между Петербургом и Москвой. Например, Милюков считал, что «у москвичей — душа нараспашку. Петербург дисциплинирован, Москва вольнолюбива», и в этих характеристиках «складывались особенности наших двух корифеев исторической науки» (Милюков 1933: 314).

** Платонов был заведующим кафедрой, деканом факультета и занял лидирующее положение в Археографической комиссии. См.: (Ростовцев 1999; Брачев 2010: 98).

я должен был очистить институт для Л[аппо] Д[анилевского], Лицей — для Шмурло. Это было бы возможно, если бы я был уверен, что З[амысловский] уйдет из Ун[иверситета]; иначе, устраивая приятелей и не получая службы в Ун[иверситете], я остался бы без всякого места...» (Платонов 2003: 157).^{*} Здесь примечательна не столько неловкая ситуация, возникшая в сфере научного администрирования, сколько общие этические установки, господствовавшие в ученой среде. Будучи начальником, Платонов, конечно, обладал определенными полномочиями, но при этом часто уступал *старичкам* в служебных делах. По-видимому, он глубоко понимал все нюансы сложных взаимоотношений на административной работе и специально избегал участия в какой-либо «кружковщине», способной повредить его деловой репутации и поставить под сомнение его непредвзятость.^{**}

Другая проблема заключалась в противоречиях между властью и обществом. Как отмечено выше, в связи с доверием Министерства к представителям «аполитичной» области знания выборные деканы историко-филологических факультетов Петербургского и Московского университетов по роду своего образования и занятий обычно представляли филологическую науку. Своим демонстративным «аполитизмом» Платонов заслужил доверие верховной власти и получил возможность успешно строить свою карьеру. С психологической точки зрения, поскольку он занимал служебную должность, он одновременно и понимал, что сам стал частью власти. В этой ситуации выступать против правительства значило бы выступать против самого себя.^{***} С одной стороны, С.Ф. Платонов должен был служить образцом в качестве чиновника, а с другой — сохранять научную автономию в качестве ученого. Вполне возможно, что, столкнувшись с этой психологической дилеммой, он решил придерживаться нейтральной позиции. Кроме того,

* Назначение на должность — важный и трудный этап в карьере ученого. Уже располагая большим научным авторитетом, С.Ф. Платонов, тем не менее, страдал от закулисных интриг и слухов, связанных с распределением научных постов: «Я, — пишет Платонов, — лично гораздо менее занят, чем в прошлые годы, и по-прежнему терплю от слухов о новом *назначении...*». См.: (Платонов 2003: 157).

** Вряд ли приятным стало для С.Ф. Платонова и другое важное событие научной жизни. В 1889 г., когда на факультете создавалось историческое общество, разразился большой скандал между разными группами ученых. При этом Платонов знал, что лучше не выражать своей позиции. Он пишет: «Я лично, стало быть, не был связан никаким условием для подачи голоса» (Там же: 27–28).

*** С точки зрения научной психологии, когда общественное положение человека меняется, также меняется и его характер, мышление, поведение. Известным доказательством является «Эффект Люцифера», описанный американским психологом Филипом Зимбардо.

в конце XIX в. поддержка либеральных идей в столице становилась все сильнее. Поэтому в глазах общественного мнения С.Ф. Платонов вряд ли пользовался хорошей репутацией. Например, во время революции 1905 г. либеральные и революционные группировки проявляли к нему враждебность. Также на выборах нового ректора в 1906 г. кандидатура Платонова не устроила либеральные круги университета (Брачев 2010: 236–237). В этих условиях, когда политическое противостояние власти с обществом лишь нарастало, для Платонова отход от политики, быть может, стал лучшим из возможных вариантов поведения. В столице профессия и должность неизбежно накладывают ограничения на политическую активность личности.

От консерватизма к либерализму?

Однако следует понимать, что хотя Платонов придерживался «аполитизма», это не значит, что он был в принципе равнодушен к общественно-политическим процессам. Например, по поводу революции 1905 г. историк не скрывал своего недовольства и раздражения: «Трудно жить в России людям, ещё не отвыкшим от старой ветоши, вроде “патриотизма”, “национальности”, “народных преданий”, и привыкших ставить “народ” выше “партии” и “общество” выше “лица”...» (Платонов 2003: 98). Вместе с тем он весьма критически относился и к правящей царской династии: «1905 год и безобразия последующих лет Империи уничтожили во мне всякое уважение к династии» (Платонов 1993: 59). Идея о необходимости смены существующего строя окончательно утвердилась в нем во время революций 1917 г. Как писал сам Платонов, «все мы, т. е. я и мои единомышленники, считали необходимость конституционного строя во главе с твердой властью, которая одна лишь может спасти страну от создавшегося положения» (Платонов 1993: 43). Для историка было важно защищать не какой-то определенный строй, а страну, поэтому строй, который не в состоянии сохранить страну, должен был, с его точки зрения, уйти в прошлое. После Октябрьской революции он продолжил работать в государственном учреждении, занимаясь научными исследованиями и архивным делом. В 1918 г. он писал другу: «На меня начался вдруг спрос»,* и «я стал рядом (и в согласии) с «левым с[оциал]-демократом» и «революционным марксистом»» (Платонов 2003: 235). Он хорошо знал, что многие смотрят на него осуждающе. Однако, даже нахо-

* В данном случае Платонов имеет в виду, что его приглашали на должности. «Меня избрали товарищем председателя в Комитет иконописи (и он повис на мне); меня избрали директором Археологического института в момент его широкой реформы, и к И[нститу]ту присоединили “дом-музей” графа Шереметева; меня избрали заместителем председателя Главного управления архивным делом», — пишет Платонов.

дьясь на официальной должности, Платонов вел себя по-своему. Когда правительство СССР осуществляло реформы в научных учреждениях, он не побоялся собрать в учреждениях Академии наук монархистов — «как старых слуг царя, так и монархическую молодежь» (Перченко 1995). Благодаря Платонову Академия наук какое-то время оставалась центром старой научной школы.

Платонов был настроен против власти большевиков и проявлял недовольство их деятельностью. Уже вскоре в его благонадежности стали сомневаться, замечая в нем контрреволюционные настроения. В середине 1920 гг. над ним даже устроили следствие. Хотя Платонов ни в чем тогда не сознался, позднее, в 1928 г., он написал *Автобиографию*, в которой выражал несогласие с новой властью. На первый, поверхностный взгляд, *Автобиография* — это обычная работа, обобщающая научный опыт всей жизни историка. Однако, учитывая ее содержание и время завершения, можно полагать, что у автора было специальное намерение. В 1920-е гг. правительство СССР проводило широкие педагогические и научные реформы. В это же самое время Платонов писал автобиографию и излагал взгляды на русскую историю, сложившиеся у него еще в эпоху императорской России. Еще П.Н. Милюков справедливо подметил, что в этой работе Платонов некоторыми словами «намекает на свои политические взгляды», в которых содержатся «представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства и личности и о благе личной свободы и независимости»; и это «относится именно ко времени большевиков» (Милюков 1933: 317). Однако мы полагаем, что не только слова, отмеченные Милюковым, но и вся работа в целом была написана Платоновым «с политическим прицелом». Видимо, *Автобиографию* следует рассматривать как печатное выступление Платонова с критикой власти.

В 1993 г. Библиотека РАН издала сборник документов, в котором представлены протоколы допроса и собственные показания Платонова после его ареста. Он был арестован по политическим обвинениям, поэтому на допросах ему неизбежно приходилось объяснять свою идейную принадлежность. В документах видно, что он откровенно выражал свою политическую позицию. Он «по воспитанию, и в кругу своих исторических занятий, жил монархическими взглядами». После Февральской революции было понятно, что «монархия в России окончилась навсегда», и Платонов считал выходом для России именно «конституционно-демократический республиканский строй». «Советская власть является лишь переходной формой государственного строя», и «она ослабнет», верил Платонов. Важно, что историк многократно заявлял о себе, что он «не марксист» (Платонов 1993: 34, 60, 61, 80). Во время революций 1917 г. он перешел от монархизма к конституционализму не по причине идейной неустойчивости, а потому, что политическая

идеология Платонова, как и его взгляд на историю, тоже была динамической. Ее развитие и изменение зависело от актуальных требований эпохи и настоящего момента. С его точки зрения, дело было не в монархии или республике, главное заключалось лишь в том, чтобы строй соответствовал государственным нуждам России. Это мнение было обусловлено научным опытом историка. Платонов понимал, что эпохи меняются, и жителям каждой эпохи надлежит решать свои специфические задачи; поэтому государственный строй неизбежно должен меняться, ничего вечного нет.

Заключение

Во второй половине XIX в. с Запада в Россию проникли разные новые идейные веяния и социально-политические теории. Платонов, ясно видя положительную и отрицательную стороны каждой такой теории, принимал их лишь отчасти, не соглашаясь полностью ни с одной из них. Его общие, теоретические взгляды как историка носили либеральный характер, а его политическая идеология была консервативной и граничила с «аполитизмом». Причина такой противоположности заключена не только в том, что он был человек без «партийности» и у него не было определенной идеологии, но и в бюрократической атмосфере, пронизывающей социальную и научную среду Северной столицы. В иерархической научно-административной системе он, помимо того, что испытывал трудности личного порядка во взаимоотношениях с коллегами, оказался заложником конфликта между властью и обществом.

Исповедуемый Платоновым либерализм можно разделить на две части. Первая связана с индивидуальным духовным освобождением. Как говорит историк, должна быть «свобода почина, свобода личности» (Платонов 1993: 33). Он не подчинялся всецело и безоговорочно никакой идее и благодаря этому у него сложилось свое оригинальное мировоззрение, построенное на основе разных идей. Вторая часть состоит в долговременном искании общественной свободы. Опираясь на свой научный опыт, историк утверждал важность политически активного общества в стране. Важно, прежде всего, обеспечить народу достойное положение, политические права и охранять «право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение» (Платонов 1993: 258). Платонов был уверен, что этой цели можно достигнуть только через правовой способ, поэтому он поддерживал конституционно-демократические идеи. В первой половине своей жизни он был монархистом, но при этом поддерживал не саму правящую династию или государя, а монархический строй, в рамках которого существовала и развивалась российская государственность. После революций 1917 г. историк пришел к пониманию, что нужно создать строй более надежный и соответствующий нуждам современной России. Он счи-

тал советскую власть «диктатурой рабочего класса» (Платонов 1993: 33). Дело в том, что советские реформы, проводившиеся партией с 1920-х гг. во многих областях общественной жизни, имели одной из своих важнейших целей распространение научных знаний, технического прогресса и, как следствие, рост уровня материального производства и народного хозяйства.* С точки зрения материалистического мировоззрения, это способствовало установлению общественного равенства. Но в то время как советская власть осуществляла экономические реформы для достижения общественного равенства, С.Ф. Платонова считал более важным создать государственный строй для обеспечения общественной свободы. По его мнению, государство должно создаваться путем сотрудничества всего общества с властью, а не путем жестокого принуждения со стороны какой-либо социальной группы (класса), ибо такая диктатура лишает народ должной свободы.

В общем, политические воззрения Платонова вступали в противоречия с планами советской власти, поскольку, с его точки зрения, страну и живущий в ней народ нельзя отождествлять с правящей партией. По мнению историка, такие социально-политические категории как «страна», «правительство (власть)» и «партия» имеют очень разные степени важности. Ценность страны как таковой неизмеримо выше правительства и партии. Партия — весьма изменчивая категория, правительство тоже меняется со временем, и только страна существует вечно. Сущность же страны заключается в национальной культуре, поэтому одна из задач правительства состоит в том, чтобы охранять национальную культуру, а государственный строй должен гарантировать свободу личности, творящей национальную культуру. В этом суть политической идеологии Платонова. Яркий представитель культурной и научной элиты, он, несмотря на социальную катастрофу, постигшую Россию в 1917 г., до конца жизни отстаивал свои научные взгляды и идейные убеждения. Это и есть позиция истинного русского интеллигента.

Выражения благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта MOST Тайваня в рамках научного проекта «Русская историография нового времени: московская и петербургская исторические школы» (MOST 104-2410-H-009-012). Помимо этого, автор выражает свою признательность участникам конференции «Значение и смысл российских революций 1917 года», организованной Социологическим институтом РАН 2017 г., за советы для будущего исследования.

* Печально, что процесс реформирования научно-технической сферы сочетался с репрессиями, направленными против технической и научной интеллигенции (Степанов 2013: 158–161; Беляков 1999: 395–398; Комков, Левшин, Семенов 1997: 109–110). И *Академическое дело* стало одним из событий во время советских реформ.

Источники и литература

Алфёров Ж.И. и др. (ред.) (1993) *Академическое дело, 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела*. Вып. 1. Дело по обвинению академика В. Ф. Платонова. СПб.: Библиотека РАН.

Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. (1993) *Биографический очерк о С.Ф. Платонове. Академическое дело 1929–1931 гг.* СПб.: Библиотека РАН: LXX–LXXI.

Беляков Л.П. (1999) *Шахтинское дело. Репрессированные геологи*: 395–398. [<http://www.ihst.ru/projects/sohist/material/dela/shakht.htm>] (дата обращения 30.10.2017)

Брачев В.С. (2010) *Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов*. СПб.: Астерион.

Бычков С.П., Корзун В.П. (2001) *Введение в историографию отечественной истории XX в.* Омск: Омск. гос. ун-т. [<http://cornholio.narod.ru/history6/chapter4par2.htm>] (дата обращения 30.10.2017)

Валк С.Н. (2000) *Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет*. Гинев В.Н. (ред.) *Избранные труды по историографии и источниковедению*. СПб.: Наука: 7–106.

Вернадский Г.В. (2000) *Русская историография*. М.: АГРАФ.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции, 1909.

Зжань Дженъхуа (張建華) (2008) *Введение в историю идей русской интеллигенции*. Пекин. (на китайском языке)

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. (1997) *Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах)*. Т. 2. М.: Наука.

Кун. Т. (1977) *Структура научных революций*. М.: Прогресс.

Ли Шаутау (李小桃) (2009) *Изучение проблем русской интеллигенции*. Харбин. (на китайском языке)

Лотман Ю.М. (1997) *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб.: Искусство.

Мамонтова М.А. (2002) *С.Ф. Платонов. Поиск модели исторического исследования*. (Автореферат диссер. ... кандидата ист. наук, Омск.)

Мильков П.Н. (1902) *Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов*. СПб., 1902.

Мильков П.Н. (1933) Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер). *Современные записки*, LI: 311–333.

Митрофанов В.В. (2011) *Роль С. Ф. Платонова в развитии российской историографии конца XIX — первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции*. (Автореферат диссер. ... доктора ист. наук, Воронеж)

Перченко Ф.Ф. (1995) «Дело академии наук» и «великий перелом» в советской науке. *Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР*. М.: Наука: 201–235. [<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/fates/201-235.htm>] (дата обращения 30.10.2017)

Платонов С.Ф. (1899) *Лекции по русской истории*. Вып. 1. СПб.: Столичная Скоропечатня.

Платонов С.Ф. (1993) Автобиографическая записка. Алфёров Ж.И. и др. (ред.) *Академическое дело, 1929–1931 гг.* СПб.: Библиотека РАН.

Платонов С.Ф. (2003) *Академик С.Ф. Платонов*. Переписка с историками. В 2 т. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова 1883–1930. Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука.

Почепцов Г.Г. (1998) *История русской семиотики до и после 1917 года*. М.: Лабиринт.

Ростовцев Е.А. (1999) А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений). *Проблемы социального и гуманитарного знания*. СПб.: Дмитрий Буланин. Вып. 1: 128–165.

Ростовцев Е.А. (2004) *А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа*. Рязань: НРИИ.

Степанов М.Г. (2013) «Академическое дело» (1929–1931 гг.): Взгляд современной историографии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 7 (33): Ч. II: 158–161.

Струве П.Б. (1933) *Три стиля русской исторической науки и С.Ф. Платонов*. [<http://archive.li/mFR9K>] (дата обращения 30.10.2017)

Тихонов В.В. (2012) Московская и Петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва-Петербург» (Конец XIX — начало XX вв.). *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2012(6) 2: 344–378.

Тихонов В.В. (2014) *Историки, идеология, власть в России XX века*. М.: ИРИ РАН.

Шаханов А.Н. (2003) *Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты*. М.: Наука.

Hamburg G.M. (2011) S.F. Platonov and the Theory of “Two Schools” in Russian Historiography. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 4(2011): 223–248.

Sanders Th. (1999) Introduction: «A Most Narrow Present». In: Sanders Th. (ed.) *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multi-national State*. N.Y.: Sharpe: 3–13.

Tolz V. (1997) *Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics*. N.Y.: St. Martin's Press.

Berlin I. (1984) A Remarkable Decade. In: *Russian Thinkers*. New York: Penguin Books: 114–209.

Pipes R. (1960) The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia. *Daedalus*, 89(3): 487–502.

THE HISTORIAN AND REVOLUTION: SERGEY PLATONOV'S IDEOLOGY AS A PARADIGM OF THE RUSSIAN INTELLECTUALS

*Jen-Heng Chen**

National Chiao Tung University, Hsinchu, Taiwan

Citation: Chen J.-H. (2017) Istorik i revolyutsiya: ideologiya istorika S. F. Platonova kak paradigma russkoy intelligentsii [The historian and revolution: Sergey Platonov's ideology as a paradigm of the Russian intellectuals]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 89–107 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.5>

Abstract. This article is dedicated to Russian historians of the early twentieth century, examines their ideas related to the revolution, and their direct or indirect participation in revolutionary activities. In Russia, especially since the XIX century, the elite actively participated in socio-political reforms. To the group of intelligentsia belonged thinkers, philosophers, and publicists. Their discussions were usually built on the basis of historical views. However, few of the intelligentsia were considered professional historians who studied, taught history and had rich historical views. This paper attempts to examine the role of historians during the revolution (before and after 1917).

This article analyses the political ideology of S.F. Platonov. Compared with the historians of the Moscow school, who clearly expressed their political attitude, the St. Petersburg historian Platonov is much more conservative. Many scholars in the past considered that the academic development and political stance of the Moscow and St. Petersburg schools were greatly influenced by the urban environment. Through the academic works, personal letters and testimonies given by Platonov during the “purges”, the author of this article has tried to find out possible ways in which Platonov could express his political ideas. It was found that although in the pre-revolutionary period the urban environment was indeed important, the academic environment was overlooked; that is, relationships in the workplace greatly affected one's psychology and behavior. Platonov had shown political interest starting from his early writings, and the February and October Revolutions greatly enhanced his political criticism based on historical conception.

Keywords: S. Platonov, Russian Intelligentsia, Revolutions of 1917, Russian historians, Saint Petersburg historical school

Acknowledgments

This work was carried out with the support of the MOST of Taiwan within the framework of the project «Modern Russian Historiography — Research on Historiography of Moscow and St. Petersburg schools» (MOST 104-2410-H-009-012). Additionally, the author is grateful to the participants on the conference “Significance of the Russian Revolutions of 1917”, organized by the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences in 2017, for their valuable advice.

* E-mail: chenluda@mail.nctu.edu.tw

References

- Alfyorov J.I. et al. (ed.) (1993) *Akademicheskoye delo, 1929–1930* [Academy case, 1928–1930]. St. Petersburg: Biblioteka RAN (in Russian).
- Ananich B.V., Paneyakh B.M., Tsamutali A.N. (1993) Bibliograficheskii ocherk o S.F. Platonove [Biographical sketch about S.F. Platonov]. Alfyorov J.I. et al. (eds.) *Akademicheskoye delo, 1929–1930* [Academy case, 1928–1930]. St. Petersburg: Biblioteka RAN: LXX–LXXI (in Russian).
- Belyakov L.P. (1999) Shakhtinskoye delo [Shakhtin case]. *Repressirovannoye geologi* [Repressed geologists]: 395–398. [<http://www.ihst.ru/projects/sohist/material/dela/shakht.htm>] (accessed: 30.10.2017) (in Russian).
- Brachev V.S. (2010) *Sluzhiteli istoricheskoi nauki* [Servants of historical science]. St. Petersburg: Asterion (in Russian).
- Bychkov S.P., Korzun V.P. (2001) *Vvedeniye v istoriografiyu otechestvennoi istoriyu XX v.* [Introduction to historiography of Russian history] Omsk: Omsk University. [<http://cornholio.narod.ru/history6/chapter4par2.htm>] (accessed: 30.10.2017) (in Russian).
- Hamburg G.M. (2011) S.F. Platonov and the Theory of “Two Schools” in Russian Historiography. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 223–248.
- Komkov G.D., Levshchin B.V., Semenov L.K. (1997) *Akademiya nauk SSSR* [Academy of Sciences USSR]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Lotman Y.M. (1997) *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII–nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century)]. St. Petersburg: Iskusstvo (in Russian).
- Mamontova M.A. (2002) *S.F. Platonov. Poisk modeli istoricheskogo issledovaniya* [S.F. Platonov. Search for a model of historical research] (The author's abstract of dissertation for the candidate degree of historical sciences, Omsk) (in Russian).
- Milyukov P.N. (1993) Dva russkikh istorika (S.F. Platonov i A.A. Kizevetter) [Two Russian historians (S.F. Platonov and A.A. Kizevetter)]. *Sovremennyye zapiski* [Contemporary scraps]. LI: 311–333 (in Russian).
- Mitrofanov V.V. (2011) *Rol' S.F. Platonova v razvitii rossiiskoi istoriografii kontsa — pervoi treti vv.* [The role of S.F. Platonov in the development of Russian historiography during the end — the first third of the centuries.] (The author's abstract of dissertation for the doctor degree of historical sciences, Voronezh) (in Russian).
- Perchenok F.F. (1995) «Delo akademii nauk» i «velikii perelom v sovetskoj nauke» v sovetskoj nauke [“Academy case” and “great fracture” in Soviet science]. *Tragicheskie sud'by: repressirovannyye uchenie Akademii nauk SSSR* [Tragic fate: repressed scientists of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka: 201–235. (in Russian) [<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/fates/201-235.htm>] (accessed: 30.10.2017).
- Platonov S.F. (1899) *Lektsii po russkoi istorii* [Lectures on Russian History]. V.1. St. Petersburg: Stolichnaya Skoropechatnya (in Russian).
- Platonov S.F. (1993) Avtobiograficheskaya zapiska [Autobiographical note]. Alfyorov J.I. et al. (ed.) *Akademicheskoye delo, 1929–1930* [Academy case, 1928–1930]. St. Petersburg: Biblioteka RAN (in Russian).
- Platonov S.F. (2003) *Akademik S.F. Platonov. Perepiska s istorikama* [Correspondence with historians]. V. 1. S.O. Shchmidt (ed.) Moscow: Nauka (in Russian).
- Pochepstov G.G. (1998) *Istoriya russkoi semiotiki do i posle 1917 goda* [The history of Russian semiotics before and after 1917]. Moscow: Labirint (in Russian).

Rostovtsev E.A. (1999) A.S. Lappo-Danilevskii i S.F. Platonov [A.S. Lappo-Danilevskii and S.F. Platonov]. *Problemy sotsyального i gumanitarnogo znania* [Problems of social and humanitarian knowledge]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. 1: 128–16 (in Russian).

Rostovtsev E.A. (2004) A.S. Lappo-Danilevskii i peterburgskaya istoricheskaya shchkola [A.S. Lappo-Danilevskii and Petersburg historical school]. Ryazan: NRII (in Russian).

Sanders Th. (1999) Introduction: «A Most Narrow Present». In: Sanders Th. (ed.) *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. N. Y.: Sharpe: 3–13.

Shchakhanov A.N. (2003) *Russkaya istoricheskaya nauka vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka: Moskovskii i Peterburgskii universitety* [Russian Historical Science of the second half of the XIX — early XX century: Moscow and St. Petersburg Universities]. Moscow: Nauka (in Russian).

Stepanov M.G. (2013) “Akademicheskoe delo” (1929–1931): Vzgl'yad sovremennoi istoriografii. *Voprosy teorii i praktiki* [Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota. 7(33): II: 158–161 (in Russian).

Struve P.B. (1933) *Tri stilya russkoi istoricheskoi nauki i S.F. Platonov* [Three styles of Russian historical science and S.F. Platonov]. [<http://archive.li/mFR9K>] (accessed: 30.10.2017) (in Russian).

Tikhonov V.V. (2012) Moskovskaya i peterburgskaya shchloly «russkikh istorikov» v kontekste dikhotomii «Moskva- Peterburg» (Konets XIX — nachalo XX vv.) [Moscow and St. Petersburg schools of “Russian historians” in the context of the dichotomy “Moscow-Petersburg” (Late XIX — early XX centuries)]. *Lyudi i teksty*. 2012(b) 2: 344–378 (in Russian).

Tikhonov V.V. (2014) *Istoriki ideologiya vlast' v Rossii xx veka* [Historians, ideology, authority in Russia XX century]. Moscow: IRI RAN (in Russian).

Tolz Vera (1997) *Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics*. N.Y.: St. Martin's Press.

Valk S.N. (2000) *Istoricheskaya nauka v Leningradckom universitete za 125 let* [Historical Science in Leningrad University for 125 years]. In: Ginev V.N. (ed.) *Izbrannye Trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu* [Selected works on historiography and source study]. St. Petersburg: Nauka: 7–106 (in Russian).

Vernadskii G.V. (2000) *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow: AGRAF (in Russian).